

поведения. Однако такое регулирование может быть сопряжено с правовым воздействием, делегитимирующим как соответствующую правовую регуляционную политику и нормы права, так и государственную власть. Например, правовое регулирование, осуществленное во Франции в сфере социального обеспечения, привело к повышению пенсионного возраста и сокращению государственных социальных гарантий и одновременно обернулось массовыми демонстрациями и протестами граждан. Насколько действенно такое регулирование, вопрос риторический.

Утрата доверия не происходит мгновенно, это относительно длящийся и инертный процесс, который может ускоряться и замедляться. Вопрос о причинах и признаках делегитимации представляет отдельный научный интерес.

Таким образом, правовое регулирование не лишено своих недостатков, например, в виде сложно прогнозируемых аномалий права (или практически не прогнозируемых – для правового воздействия), отклонений всевозможного рода, вплоть до получения результата обратного запланированной цели, модели – несоблюдении норм права, отказа в подчинении правовым предписаниям, исполнении юридических обязанностей, совершении правонарушений.

Если правовое регулирование предназначено для регламентации деяний субъектов правоотношений, то правовое воздействие оказывает влияние на широкий спектр самых различных явлений правовой жизни, достигая глубин правосознания, затрагивая потребности и интересы, намерения и мотивы, ценности и идеи человека. Поэтому помимо правового регулирования все другие аспекты правового воздействия невозможно определить наверняка, и его некоторые аспекты могут не предполагаться субъектом правового регулирования. Если одна их часть не находит явной объективации в правовой практике, то другая проявляется в виде непредсказуемых (сложно прогнозируемых) случайностей. По этой причине следование в процессе правового регулирования старинному латинскому принципу «*gratum non posce*» особенно актуально.

Воздействие права переживается индивидом как внешняя по отношению к нему, объективная действительность, воспринимается им, отражаясь в правосознании, на основе которого только потом формируются соответствующие интересы, мотивы и цели, которые при посредстве воли объективируются в конкретном содержании правопритязаний.

Сущность регулирования вообще и правового регулирования в частности обусловлена волей субъекта, осуществляющего это регулирование. При этом правовое регулирование выражает и волю государства, и классовую волю.

Правопритязания выражают интересы социальных акторов, а социальные акторы могут воспроизводить интересы как собственного, так и другого класса, то следует говорить о том, что правопритязания могут выражать классовый интерес.

Классовые интересы связаны прежде всего с обеспечением наиболее важных социально-экономических потребностей, решением вопросов правообладания средствами производства, распределения материальных благ и ряда других, когерентных им вопросов. Именно классовые интересы являются антагонистичными. Следовательно, вопрос о реализации правопритязаний стоит наиболее остро в тех случаях, когда эти правопритязания выражают классовые интересы. В связи с чем, например, представляется совершенно неслучайной достаточно высокая вероятность признания трудовой забастовки как противоправного притязания. И именно поэтому социальным акторам для изъяснения своих правопритязаний в форме трудовой забастовки требуется преодолеть высокий порог легализации своих деяний.

Таким образом, действенность правового регулирования, его эффективность и универсальность обеспечиваются с учетом ряда социально-антропологических факторов. Одним из наиболее важных среди них является фактор легитимности правового регулирования, а поддержка субъектов нормотворчества и всей нормативной системы социальными акторами, обеспечение легитимности государственной власти и правовой системы предполагает прежде всего учет правопритязаний соответствующих социальных акторов в праворегуляционной деятельности.

УДК 351.742

А.И. Мурашко

РЕФОРМИРОВАНИЕ КОРПУСА ЖАНДАРМОВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В 60-х гг. XIX в.

Существенные изменения в экономической, социальной и политической сферах второй половины XIX в., активизация террористической деятельности, оппозиционного и национально-освободительных движений вынуждали руководство Российской империи принимать адекватные меры реагирования на новые вызовы и угрозы государственной безопасности. Одной из таких мер являлось реформирование в 60-х гг. Корпуса жандармов. Инициатором данных преобразований выступил назначенный после покушения на императора Александра II в апреле 1866 г. шеф жандармов и Главный начальник III отделения С.Е.И.В. канцелярии генерал-лейтенант граф П.А. Шувалов.

Корпус жандармов, созданный в 1826 г., являлся исполнительным органом III отделения С.Е.И.В. канцелярии. Жандармские чины осуществляли надзор за местным государственным аппаратом и сословными органами, докладывали в III отделение о настроениях различных слоев общества. На них также возлагались обязанности по приведению в исполнение приговоров суда, поимке беглых рекрутов, преследованию преступников, контрабандистов, рассеиванию запрещенных собраний, восстановлению нарушенного общественного порядка, препровождению особо важных преступников и арестантов, обеспечению правопорядка на объектах железнодорожного транспорта.

В 1866 г. Корпус жандармов формально состоял из Управления (штаба корпуса), восьми жандармских округов, жандармских воинских частей и шести жандармских полицейских управлений железных дорог (далее – ЖПУ ж. д.).

Шесть жандармских округов непосредственно подчинялись шефу жандармов, два (Варшавский и Кавказский) – наместникам императора в Царстве Польском и на Кавказе.

В каждом жандармском округе были конные жандармские команды (всего 70 команд), в Петербурге, Москве и Варшаве – жандармские дивизионы, в Виленском округе – уездные жандармские управления.

Лейб-гвардии жандармский полуэскадрон, жандармский полуэскадрон при штабе Варшавского военного округа, жандармские команды, состоявшие при штабах военных округов, выполняли функции военной полиции в гвардии и армии, подчинялись Командующему войсками округа, а в кадровом аспекте – шефу жандармов.

ЖПУ ж. д. также организационно входили в состав Корпуса жандармов, но по существу находились в подчинении не шефа жандармов, а Министра путей сообщения и инспекции железных дорог.

В апреле 1866 г. личный состав Корпуса жандармов насчитывал 12 генералов, 140 штаб- и 324 обер-офицеров, 2 231 унтер-офицера, 3 592 рядовых, 761 «нестроевых», 16 трубачей и 2 072 лошади.

Надо отметить, что сложившаяся децентрализация управления структурами Корпуса жандармов как главного исполнительного органа, обеспечивающего государственную безопасность, не содействовала адекватному реагированию на новые вызовы и угрозы. В этой обстановке П.А. Шувалов при поддержке Александра II начал предпринимать меры по концентрации управления структурами Корпуса жандармов в своих руках. Одним из первых его шагов было подчинение Варшавского и Кавказского жандармских округов. На основании докладов П.А. Шувалова Александр II с января 1867 г. эти округа были полностью подчинены шефу жандармов.

Почти одновременно с преобразованием Варшавского и Кавказского жандармских округов и подчинением их шефу жандармов происходит реорганизация ЖПУ ж. д. В декабре 1866 г. на ЖПУ ж. д. были возложены наблюдательные обязанности (функции политической полиции), а сами ЖПУ ж. д., находившиеся до этого в подчинении инспекции железных дорог и Министра путей сообщения, были изъяты из их ведения и подчинены шефу жандармов.

Следующая реорганизация, осуществленная П.А. Шуваловым, была направлена на улучшение качественной составляющей системы управления и усиление наблюдательной (политический розыск) функции в деятельности жандармских структур. 9 сентября 1867 г. Александр II утверждает представленное П.А. Шуваловым Положение о Корпусе жандармов. С принятием этого положения упразднились пять из восьми ранее существовавших жандармских округов. Вместо управлений жандармских штаб-офицеров, входивших в состав округов, создавалось 56 губернских жандармских управлений. Был увеличен наблюдательный состав Корпуса жандармов на 40 офицеров (до 71 офицера в должности помощника начальника губернского жандармского управления) и на 776 унтер-офицеров (до 962 унтер-офицеров), которые размещались по уездам. Упразднилось 57 из 70 жандармских команд, оставшиеся сохранялись в уменьшенном составе. Увеличивался штат штаба Корпуса жандармов и повышалось денежное содержание жандармских управлений. В целом численность Корпуса была сокращена на 48 генералов и офицеров, 10 чиновников и 1 244 рядовых чинов.

В соответствии с Положением о корпусе жандармов в него входили: Главное управление Корпуса (Штаб корпуса жандармов); управления Варшавского, Кавказского и Сибирского округов; жандармское управление Московской губернии; 10 губернских жандармских управлений 1-й категории; 45 губернских жандармских управлений 2-й категории; 50 уездных жандармских управлений шести губерний Северо-Западного края; наблюдательный состав Корпуса; Санкт-Петербургский и Московский жандармские дивизионы; 13 конных жандармских команд для городов: Вильно, Гельсингфорса, Иркутска, Казани, Киева, Кронштадта, Нижнего Новгорода, Одессы, Омска, Риги, Саратова, Харькова и Царского Села; полицейские управления железных дорог.

Основной структурной единицей становились губернские жандармские управления, которым подчинялись все жандармские части и чины, находившиеся в губернии, за исключением столичных жандармских дивизионов, непосредственно подчинявшихся начальнику штаба Корпуса. В соответствии с п. 26 Положения на губернские жандармские управления, наблюдательный состав Корпуса, уездные жандармские управления были возложены обязанности только наблюдательные, «содействуя, впрочем, к восстановлению нарушенного порядка только в таком случае, когда будут приглашены к тому местными властями...».

Таким образом, осуществленное в 60-х гг. XIX в. реформирование Корпуса жандармов, которое заключалось в концентрации функций по обеспечению государственной безопасности в одном органе, централизации управления структурными подразделениями корпуса, создании структур, ориентированных на выполнение функций политической полиции, и частичный отказ от реализации функций общей полиции позволило создать адекватный существовавшим вызовам и угрозам государственной безопасности орган власти.

УДК 340.1

В.И. Павлов

РЕЦЕПЦИЯ ПРАВА ЧЕХИИ В ПРАВОВУЮ СИСТЕМУ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО, РУССКОГО И ЖЕМОЙТСКОГО

Многие правовые положения, закрепленные в Статутах Великого княжества Литовского, Русского и Жемойтского (далее – ВКЛ), имеют общеславянскую правовую основу, так как развились из общего правового сознания славян, сформировавшегося в рамках древнего обычного права. Ряд правовых институтов, сформулированных в Статутах ВКЛ, которые развиты из общего древнерусского права (круговая порука, сок, гонение следа, ответственность общины и др.) были известны и в средневековом праве Чехии в самый ранний период. Средневековое чешское право как система славянского права относительно правовых систем восточных славян выступило источником рецепции прежде всего по причинам культурно-исторического характера.

Уже в 1348 г. в Праге императором Карлом IV на основании буллы римского папы Климента VI 1347 г. был открыт один из первых университетов в Центральной Европе – Карлов университет с юридическим факультетом. В университете по об-